

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«Романтическое настроение»

Даниэла Стил

Хочу «Оскар»!
Верить в себя
Тайна ее прошлого
День рождения
Отныне и вовек
До конца времен
Отзвуки эха
Свет в окне

Нора Робертс

Любовь в вечерних новостях
Сердце океана
Подсказка
для спящей красавицы
Талисман моей любви
Отныне и навсегда
Луна над Каролиной
Черная роза

Сандра Браун

Смертельно влюбленный
Парк соблазнов
Буря в Эдеме
Метель в моем сердце

Оливия Уэдсли

*Любовный
переполох*

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У97

Wadsley Olive
FAIR GAME

Copyright © 1927 by Wadsley Olive

Перевод с английского языка В. Кудряшова
Художественное оформление С. Ляха

Уэдсли, Оливия.
У97   **Любовный переполох / Оливия Уэдсли ; [пер. с
англ. В. И. Кудряшова]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 352 с. — (Романтическое настроение).**

ISBN 978-5-699-87589-4

Когда Филиппа выходит замуж за лорда Вильмота, она надеется, что в ней проснется любовь и жизнь станет краше, ведь избранник обладает всеми качествами идеального мужчины. Но вскоре понимает, что никогда не сможет испытать этого волшебного чувства. Втайне от мужа она мечтает, что однажды встретит свое настоящее счастье.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-87589-4

© Кудряшов В.И., перевод на русский
язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Мы наиболее боимся того, что менее знакомо: нас не страшат бедность, разочарование, горести сердца и потери, но нас пугает одиночество.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Передо мною, вокруг меня — только мысль о тебе. Я не могу развеять ее, как я сдуваю пыль или отгоняю аромат яблок, принесенный из сада августовским дуновением.

Эта мысль звучит в моих ушах и волнует все мое существо.

Лизетта Вудворс

— *М*еня постоянно мучает вопрос, не слишком ли я стар? — начал Вильмот.

На минуту лицо его превратилось в маску — лик смущенного человека, но когда Кардон разразился хохотом, выражение его лица сменилось обычным комичным равнодушием. Вопрос Вильмота, очевидно, окончательно развеселил и обрадовал отца Филиппы.

— Мой дорогой друг, а в самом деле, не слишком ли вы стары? — воскликнул он, закуривая превосходную сигару. — Нет, вижу я, вам еще, слава богу, далеко до старости.

Он наклонился вперед и похлопал Джервеза по плечу.

— Послушайте! Молодежь нового века — славные парни от двадцати до тридцати мне чужды по своей сути. Война, а затем мир застали их в период отрочества и пустили в их душах странные побегі. Посмотрите хотя бы на нравы! Уверяю вас, я познакомился с одним человеком, который на днях развелся в третий раз, а ведь ему еще нет тридцати четырех. Я бы очень огорчился, если бы Филиппа вышла замуж за одного из этой банды. Вы, мой дорогой Джервэз, представляетесь моей жене и мне идеальным мужем для Филиппы. Ей необходима уравновешенная натура, честная и твердая рука. Этим я не хочу сказать, — и он сделал энергичный жест, как бы желая этим отстранить малейшее подозрение о наличии легкомысленности или непостоянства взглядов у его уже взрослой дочери, — и я ни одной минуты не думаю, что моя маленькая Филь принадлежит к этому роду легкомысленных, пустых существ, боже упаси; но на нее не могли не повлиять сумасбродства — да, это подходящее слово! — Фелисити, и именно это я имею в виду, когда говорю, что Филиппе необходима твердая рука...

Под маленькими усиками Джервэза играла легкая улыбка.

— Да, — сказал он, не вполне соглашаясь с выводами Кардона, — хотя я должен признаться, что женось на Филь не только по этим соображениям.

Кардон разразился своим громким, веселым смехом:

— Надеюсь, что нет, надеюсь, что нет!..

Его красивые голубые глаза блеснули в сторону будущего, столь желанного зятя, школьного товарища его младшего брата, с которым тот был дружен.

«Ему, вероятно, от сорока до сорока семи лет, — думал Кардон. — У тонких людей возраст — обманчивая штука». Кардон очень боялся, что талия его для современной моды недостаточно тонка, и поэтому был склонен считать «тонкими» всех мужчин, которые об этом даже никогда и не помышляли. Он задумчиво осмотрел Вильмота с головы до ног, когда тот с кем-то раскланивался: аскетической наружности... хотя не слишком... что-то орлиное во взоре... угловатый... нет, скорее нервный... вероятно... словом, очень подходящий для Филь.

Грудь Кардона поднялась, когда он с облегчением вздохнул. В наши дни — и такой брак!.. А охота в Барвике — лучшая во всей Шотландии, и место совсем не такое пыльное, как Гемпшир... Надо только удивляться, что мог найти такой человек, как Вильмот, в таком существе, как Филь!..

Его глаза несколько затуманились, когда он вспомнил собственное сватовство. Ей-богу, Долли была очаровательна, да и сейчас еще... Ему никогда не нравились эти непостоянные молодые женщины; ему было неприятно на них смотреть. По виду совершенно бесполье, они могли бы с успехом сойти за мальчиков... и только!

Его собственные романтические воспоминания касались мягких форм, надушенных перчаток, взбитых волос, кровных лошадей... вообще всего породистого, так как он сам принадлежал к разряду «чистокровных»... Он вспомнил, как его представили Дороти Мартингэль... разговор с ее представительным отцом... предложение... свадьба в церкви Сент-Джорджа... Ей-богу, он сделал великолепный выбор! Он никогда

никому не завидовал и до сих пор счастлив, как мальчишка... Двадцать восемь лет!

Он пробудился от своих трогательных воспоминаний и с чувством сказал Вильмоту:

— Ну, если вы будете наполовину так счастливы с Филь, как я был счастлив с ее матерью, вы не будете жалеть, дорогой мой!

Лицо Джервэза внезапно озарилось ясной улыбкой.

— Дороти и вы — прекрасная реклама для брака, — сказал он.

Они вышли с Пиккадилли на Брук-стрит. Кардон открыл входную дверь американским ключом.

— Подымитесь наверх и поговорите с Доли, а я посмотрю, дома ли Филь.

Они вместе вошли в дом через холл с его стереотипными оленьими рогами, мраморным полом и круглым столом, на котором стояла обтянутая темно-синей юфтью полочка с телеграфным кодом, телефонной книжкой и красной адресной книгой. По стенам вдоль лестницы висело несколько литографий Бэка и одна — Морланда.

А маленькая гостиная миссис Кардон, которую она все еще называла будуаром, никогда не изменялась с того самого дня, когда Билль в первый раз после их медового месяца ввел ее в дом на Брук-стрит. В этой гостиной кое-что добавили, но никогда ничего не меняли, и она внушала чувство спокойного комфорта и старомодной женственности и говорила о многогранном вкусе хозяйки.

Комната дышала очаровательной, нежной наивностью, начиная с перевязанной ленточкой китайской

собачки на тоненьком лакированном стульчике и кончая ее красивой, элегантной хозяйкой, составлявшей одно целое с окружавшей ее экзотической обстановкой. Кардон наклонился и нежно поцеловал жену.

— Ну, вот и он, дорогая, — сказал он, выпрямляясь, — и мы обо всем переговорили. Джервэз поедет с нами завтра в Марч. Мы пробудем там несколько дней вчетвером, а затем я просил приехать Мэтью и Сильвестра поохотиться на куропаток. Быть может, и Фелисити с Сэмом тоже подъедут.

Джервэз сел рядом с миссис Кардон и несколько сухо сказал:

— Я давно заметил, что Билль большой оптимист! Я себя чувствую очень неуверенным в.. во всем, но так приятно знать, что вы и он поможете мне. — Он на минуту остановился и затем слегка улыбнулся: — Я говорил Биллю о моем возрасте. Видите ли, я на двадцать восемь лет старше Филиппы.

— Я думал, что вы должны были быть товарищем Седрика в девяносто втором году, — оживленно прервал его Билль, — а это было еще в девяносто первом. Но ошибка не так уж велика, не правда ли?

Джервэз от души рассмеялся:

— Совершенно верно, Билль! — И опять обратился к миссис Кардон: — Что вы на это скажете, Долли?

Она рассмеялась, как смеялся ее муж, беззаботно и искренне.

— О, мой дорогой Джервэз!.. Сорок семь! Но какое это может иметь значение?

— Вот это и я говорю, — подтвердил Билль с удовлетворением. — Я смеялся над ним, дорогая, — разве не так, Джервэз? Хорошо, — продолжал он, поворачи-

ваясь к маленькому, художественной работы камину, в котором горели дрова, облитые какой-то эссенцией, чтобы пламя горело синим и зеленым светом, — а не сыграть ли нам робберок втроем, а?

— К сожалению... — начал Джервэз, но Билль прервал его смехом:

— Ах, боже мой, я и забыл!

Он позвонил и спросил вошедшего лакея, дома ли мисс Филиппа. Оказалось, что нет — она уехала в Уолтон-хиз, играть в гольф. Билль и Джервэз еще немного побеседовали. Джервэз собрался уходить, заявив, что у него есть еще какие-то дела.

— К сожалению, мне пора, — сказал он, подымаясь.

Он вышел, унося с собой запах эссенции, фиалок, кедрового дерева, довольный смех Биля и мягкий счастливый голосок миссис Кардон. Холодный октябрьский воздух заставил его вздрогнуть. Он пошел скорее. Конечно, у него не было никакой определенной цели; он просто чувствовал, что не мог больше оставаться у Кардонов, и сейчас он старался объяснить себе это чувство.

Их присутствие заставляло его вспоминать прошлое. А именно: совместную жизнь в школе, привычку называть друг друга уменьшительными именами... и вообще их общество разбивало его сосредоточенное романтическое настроение. Он не мог проанализировать свое теперешнее состояние. Он пытался уже и раньше дать себе во всем отчет, и все, вместе взятое, убедило его в том, что он безумно влюблен в Филиппу.

Он прямо-таки боялся этого. Подобная страсть была вне схемы всех обычных явлений. В известном отношении ее власть была ему тягостна; и меньше всего

ему хотелось питать такие чувства к девушке, почти ребенку.

Тогда он выхлопотал, чтобы его послали с особым поручением в Багдад. Но все его помыслы сосредоточились на одном; он чувствовал всю пагубность охватившего его безумия и все же вернулся несколько месяцев спустя только для того, чтобы убедиться, что его страсть, если это вообще было возможно, стала еще сильнее. Он старался заглушить ее, но вместе с тем не мог отказаться от частых встреч с Кардонами, виделся с Филиппой так часто, как только мог, и жил их жизнью. Умышленно старался жить тем исключительно современным образом жизни, который Фелисити, старшая сестра Филиппы, считала, по-видимому, единственно правильным. Это убеждение, очевидно, разделяла и Филиппа.

Он стал таким же завсегдатаем ночных клубов, как и весь штат молодых людей вокруг Фелисити; купив себе гоночный автомобиль, он разъезжал по всей стране в погоне за удовольствиями так же неутомимо, как любой юнец, только что вышедший из Оксфорда.

Он прекрасно сознавал, что в значительной мере он обязан своей популярностью своему богатству.

«Флик заплатит!» — было излюбленным выражением его более молодых товарищей, считавших излишним какое-либо другое имя, кроме прозвища, и с одобрением относившихся к мастерской игре Джервэза в поло.

Но даже и дружеская фамильярность этой молодежи не приносила ему удовлетворения и несколько не заглушала и не уменьшала силы его любви.

Совершенно внезапно, неделю тому назад, в посольстве, следя за Филиппой, танцевавшей с Тедди Мастерсом, он прозрел.

«Все равно ничто не поможет. Я больше не могу. Я должен попытаться счастья».

В течение шумных летних месяцев он раза два задумывался над тем, как отнесется к этому Билль Кардон; и сила полученного наследства, и то, что Филиппа называла «одного поля ягода», заставили его пригласить Билля к завтраку, чтобы спросить, может ли он сделать предложение Филиппе.

Джервэз принадлежал к прежнему типу людей. В нем были глубоко заложены старые принципы, старые обычаи, старое понятие о вежливости. Перед всем этим он преклонялся, и все это он любил. Война, изменившая весь мир, вызвавшая крушение старого поколения, повлияла на него только как на солдата; его собственные взгляды она не в силах была изменить.

Сорокасемилетнего мужчину, уже установившегося, испорченного жизнью и довольно снисходительного к самому себе, не так легко заставить изменить свой путь. Все, что войне удалось сделать с Джервэзом, свелось к тому, что он превратился в несколько более замкнутого человека, решившего «зверски», если можно так выразиться, защищать свое добро.

По мнению Джервэза, в результате этих четырех ужасных лет все как-то заколебалось и пало: нравственность, классовые различия, честь. Одни только цены и налоги поднялись на неслыханную высоту!

Он ясно сознавал после своего последнего ранения — он как раз начинал поправляться, когда подписали мир, — что ему надо жениться. Он хотел иметь

сына, готового бороться в будущей войне и продолжать достойным образом его род.

Лежа на спине, на своей узкой койке в лазарете на Гросвенор-сквер, он глядел на пасмурное ноябрьское небо и... вспоминал... Его глаза сузились, когда он вспомнил, что теперь бедный Эдуард убит под Ипром и Камилла свободна. Джервэз устало заворочался на подушках: есть ли в мире что-либо более мертвое, чем умершее увлечение?

Но разве ему не было тогда двадцать шесть—двадцать семь лет? И он верил, что если Камилла не выйдет за него замуж, он застрелится.

Она не вышла за него замуж, она вышла за Эдуарда Рейкса... Джервэз ясно видел его перед собой: веселое, несколько резкое лицо с еврейским носом и умным высоким челом, обрамленным рыжей шевелюрой... Да, старина Эдди не был красавцем, но все же ничего себе... Рыжий австрийский еврей, большой финансист, добрый солдат и патриот своей новой родины, когда в этом появилась нужда...

Нет, он не женился на Камилле и не застрелился... Щепетильность удержала его от того, чтобы после ее выхода замуж он стал ее любовником, когда Рейкс так увлекался какой-то продавщицей, а Камилла была так несчастна... Любовь удерживала его от этого шага — он в известном смысле слишком любил ее.

Парадоксально, но верно. Глупая идеалистическая черта... нечто необъяснимое... Он продолжал любить ее годы, не удовлетворенный этой платонической любовью, часто виделся с ней, но почти всегда в кругу ее семьи... всюду поспевавших хорошеньких девочек и мальчиков, присутствие которых было неизбежно...

Трудно было любить женщину, которая была такой прекрасной матерью!

Он был склонен считать, что она создана для материнства. Конечно, глупо было истощать свои лучшие силы и мучить ее... И, тем не менее, хотя ему самому часто становилось невмоготу и он приходил в глубокое отчаяние, когда видел ее, все же он никогда не мог достаточно насладиться ее бледной миловидностью, не мог не волноваться при одной мысли о ней... Великий боже, это было около двадцати лет назад...

На улице зажглись фонари, освещая своим мерцающим светом комнату; до него доносились слабые звуки отдаленного ликования, отголоски единодушных приветственных кликов... На дворе накрапывал дождь... И все же, когда вошла розовенькая, хорошенькая, но вполне опытная сиделка, чтобы зажечь свет, Джервэз попросил оставить его в темноте.

— Но вы должны радоваться и веселиться, лорд Вильмот! — запротестовала она. — Послушайте только! — Она открыла окна, и слабые отголоски превратились в один сплошной могучий гул. — О, можете ли вы поверить этому! — воскликнула она. — Ведь мир, мир...

Она ушла, оставив Джервэза со своими колеблющимися мыслями и колеблющимся светом в комнате.

А в Йоханнесбурге... ни Ванда, ни он не чувствовали друг к другу идеалистической любви; это была любовь современная, свободная и, можно сказать, наспех, не накладывавшая никаких уз и вместе с тем чрезвычайно примитивная.

И все же Ванда отказалась выйти за него замуж.

— О, Флик, мой дорогой, любимый, — говорила она, — вам уж больше не так хочется жениться на мне —

так же, как не хочется навсегда остаться здесь! А если мы поженимся, это будет наиболее подходящим местом для нас. Я не принадлежу к тем людям, которые свободно дышат в Лондоне. Ливия мне больше подходит. Этого времени мы не забудем: львы, и любовь, и смех. Пусть все останется так. Я знаю, что ваша честь — ревнивое божество, а я свободу понимаю так, а не иначе. Я не хочу, и в некотором отношении я даже не могу...

Он всегда предполагал вернуться... Лондон был для него еще пустынное, чем Ливийская пустыня; он часто думал о Ванде. Но война была объявлена, и они разъехались в разные стороны: Ванда поехала в Конго, а он — во Францию. И Ванда после войны не возвратилась.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть даже мягких сумерек... Так много, так ужасно много кончилось для него в этот пасмурный полдень. Бесконечная тоска овладела им. Он спасся; но что пользы в том, что он здесь? Что пользы в безопасности, в уверенности, что он не разделит участь других? Его брат, двое кузенов, молодой племянник... А сколько друзей!.. И вот перемирие...

Лучше было бы опять пойти на фронт и больше не возвращаться...

С глубоким вздохом он стряхнул с себя тяжелые воспоминания. Он жил «для этого», как неопределенно выражалась окружавшая Филиппу молодежь, когда говорила о какой-нибудь своей цели.

Действительно «для этого», потому что завтра он поедет в Марч. Во всяком случае, думал он со слабой улыбкой, его решение принято; по крайней мере, он знает, на ком он хочет жениться.